

Андрей ГАНИН,
кандидат исторических наук

А БЫЛ ЛИ «ТАЙНЫЙ СОВЕТНИК ВОЖДЯ»?

Изучая судьбы офицеров Генерального штаба в переломную для истории нашей страны эпоху, я не мог не обратить внимания на большое художественное произведение, так или иначе связанное с этой темой. Речь идёт о широко известном романе-исповеди Владимира Дмитриевича Успенского (1927–2000) «Тайный советник вождя», выдержавшем множество переизданий и вызвавшем целую бурю как критических, так и восторженных откликов¹.

В основе сюжета романа рассказ некоего якобы реального человека из ближайшего окружения Сталина, пользовавшегося безграничным доверием вождя и консультировавшего его по многим вопросам на протяжении длительного времени. По версии писателя, с ним в начале 1970-х годов встретился высокопоставленный военный старой школы, назвавшийся Николаем Алексеевичем Лукашовым (имя вымышлено) — близким соратником Сталина, и передал большой массив личных записей и документов. Время, затраченное автором романа на его написание (по некоторым данным, с 1953 по 2000 год, причём роман был завершён за несколько дней до смерти автора, став главным его произведением), свидетельствовало в пользу серьёзности замысла. Сам сюжет также был интригующим. Но если речь идёт только о художественном произведении, это одно, если же в основе романа, как утверждал автор, реальное свидетельство реального человека, то ценность его намного выше. Итак, попробуем разобраться, мог ли такой человек существовать на самом деле.

Известный разоблачитель исторических фальшивок член-корреспондент РАН Владимир Петрович Козлов, анализируя удивительно похожую историю «обретения» недавно опубликованных фальшивых дневников Берии, отметил лживость подобного рода выдумок при отсутствии оригинальных документов². Основное качество любой научной работы — её верифицируемость. В случае с «дневниками» Лаврентия Павловича «концы в воду» были упрятаны надёжно: по легенде, изложенной публикатором и предполагаемым автором «дневников» Сергеем Кремлёвым (Брезкуном), речь шла о фотокопии машинописной копии дневников, невесть у кого хранящихся. Подобная практика, по оценке Козлова, получила широкое распространение у других фальсификаторов.

Понятна и цель фальсификации. Как и Успенский, Кремлёв пытается реабилитировать сталинизм.

Ещё раз отметим удивительную схожесть этой истории с тем, что предлагал читателю Успенский во вводной части романа. Он указывал, что с ним встретился некий человек, чьё имя не афишируется. В настоящее время уровень наших знаний о командном составе РККА позволяет установить, существовал ли такой человек в действительности.

Итак, что же пишет Успенский о своём герое? Речь идёт о бывшем военном, который не только был жив к началу 1970-х, но и находился в добром здравии, чтобы встречаться с писателем (то есть родился, очевидно, никак не ранее 1880-х годов), не только входил в ближний круг Сталина, но был дружен с маршалом Г. К. Жуковым (в романе описана встреча автора, Лукашова и Жукова) и генералом П. А. Беловым (эта фигура вообще одна из самых заметных в книге после Сталина и Жукова), знал маршалов С. М. Будённого, Б. М. Шапошникова, генерала Д. М. Карбышева и многих других.

Успенский пишет, что его герой — сын умершего от ран офицера, участника Русско-турецкой войны. Сам кадровый офицер, окончивший реальное и военное (скорее всего, артиллерийское) училища и академию Генерального штаба по 2-му разряду (если речь идёт о человеке 1880-х годов рождения, то академию он мог окончить приблизительно накануне Первой мировой войны). Супруга героя относилась к титулованной знати, но не унаследовала титул. Создаётся впечатление, что Успенский многочисленными оговорками специально запутывает следы своих героев.

Далее он пишет, что Лукашов — подполковник, который с начала 1916 года

служил в штабе Юго-Западного фронта, хорошо знал генерала А. А. Брусилова и его сына, летом 1916-го координировал взаимодействие пехоты и артиллерии в 8-й армии А. М. Каледина, тогда же был ранен и эвакуирован в Омск. Подобная информация вполне проверяема. Выпускники академии, служившие в 1916 году в штабе фронта, известны поимённо³. К настоящему времени судьбы практических всех этих офицеров точно установлены⁴, но никто из них на роль сподвижника Сталина не подходит. Более того, основная масса этих генштабистов оказалась в результате революции и Гражданской войны в эмиграции. В Бахметевском архиве Колумбийского университета хранится огромный по объёму мемуарный свод генерала П. С. Махрова, служившего в 1916 году в штабе 8-й армии (в том числе вр. и. д. генерал-квартирмейстера штаба армии) и детально описывавшего все события, а также сослуживцев, окончивших академию. Но прототипа Лукашова Махров не упоминает.

По версии Успенского, в эвакуации в Сибири раненый Лукашов познакомился со Сталиным. На фронт герой романа вернулся только после Февральской революции, а в июле 1917 года попал в Ставку. По Успенскому-Лукашову, якобы к красным пошло 80 процентов генштабистов, намного больше, чем обычных офицеров. Если с последним утверждением ещё можно согласиться, то приведённый процент не выдерживает критики⁵.

В начале 1918 года Лукашов отправился на Дон, был схвачен возле Белгорода матросами, чудом спасся и в солдатском обмундировании прибыл в Новочеркасск весной, когда в городе уже установилась казачья власть. Здесь Лукашов купил артиллерийскую фуражку (следовательно, по военной специальности до академии должен был быть артиллеристом), поступил на службу в Донскую армию, причём именовал себя уже офицером Генерального штаба и тут же попал в плен к красным под Царицыном, где вновь встретил Сталина. Якобы уже тогда Сталин обещал Лукашову своё полное доверие и тогда же заявлял о важности патриотизма, что больше напоминает попытку автора романа выдать желаемое за действительное, перенеся в 1918-й взгляды Сталина образца 1943 года.

Из области фантазий и рассказ Успенского о затоплении царицынской бар-

жи с офицерами. Дабы развеять этот застарелый антибольшевистский миф, приведём важное свидетельство о царицынских баржах, оставленное Особой комиссией по расследованию злодеяний большевиков, состоявшей при главнокомандующем Вооружёнными силами на Юге России: «Вторым и самым ужасным местом заключения при чревкоме были 2 баржи, стоявшие посреди Волги, напротив дома Галдобина.

Это было специальное место заключения для лиц торгово-промышленного класса, арестованных в качестве заложников, интеллигенции, духовенства и офицеров. Попадали туда и другие арестанты, но редко и лишь в виде исключения.

Командантом баржи состоял всё тот же еврей Троцкий.

Режим на баржах был ещё хуже, чем в доме Галдобина. Здесь издевательства и глумления над заключёнными были доведены до поразительной грубости.

Заключённые содержались в трюме. Баржи не ремонтировались, и палуба протекала. Окон не было. Свет попадал в трюм через два люка на носу и на корме, закрывавшиеся в 5 час. вечера; таким образом заключённые одну половину суток проводили в полутьме, а другую — в совершенной темноте. На баржах было всего по одному ретираду, попасть в который было чрезвычайно трудно, так как случалось, что число арестованных доходило до 800. Надо было стать в очередь часов на 4–5; не все это могли и хотели делать, а потому многие стали опрavlяться прямо под сланью (помост из досок), по которой ходили и на которой в то же время спали, сидели и лежали; под сланью же была вода; испражнения от этого распространялись по всему трюму и заражали его; воздух был удушливый, тяжёлый, сырой и зловонный; слань во время дождей покрывалась липкою вонючею грязью. Еда состояла сначала из 3/4 фунта хлеба и кипятку, но впоследствии осенью кипятки перестали давать, а хлеб одно время довели до 1/4 фунта.

Осенью на баржах появились эпидемические заболевания; больные так и лежали тут же, их выносили только тогда, когда они были уже при смерти. Уборка после них не производилась, не говоря уже о дезинфекции. Баржами, как тюрьмой, стали пользоваться с августа, и оттого большинство заключённых было в летней одежде. К осени же, с наступившими холодами, заключённые крайне страдали от стужи... Особенно угнетающее действие на заключённых производили ночные выемки арестованных для расстрела⁶. Как видим, никаких упоминаний о затоплении барж нет даже у специальной комиссии,

созданной для фиксации всех проявлений красного террора.

Вернёмся к сюжету Успенского. Облечённый высоким доверием военспец оказался в группе К. Е. Ворошилова и участвовал в формировании штаба 10-й армии. Именно он якобы предложил сконцентрировать большое количество артиллерийских орудий в бою под станцией Садовая (Успенский неточен в их количестве, их было не 200, а до 100 полевых орудий при плотности артиллерии в 32 орудия на километр фронта⁷), что спасло Царицын от казаков. Далее автором перепутан поезд Троцкого и Полевой штаб РВСР. Основным же обстоятельством, свидетельствующим о вымышленности всего сюжета, является то, что повествование не выходит за рамки информации, известной писателю из литературы и некоторых доступных источников по Гражданской войне. Хотя надо отдать должное усилиям автора по изучению свидетельств эпохи.

Бросается в глаза отсутствие упоминания в романе штабных работников всех тех многочисленных штабов, в которых довелось служить герою произведения. Сам характер коллективной работы в штабе предполагал взаимодействие с большим количеством сослуживцев. Среди них неизбежно должны были оказаться старые знакомые по училищу, академии и по дальнейшей службе. Именно яркие портретные характеристики коллег, интересные бытовые зарисовки своего штабного мирка и взаимоотношений в нём, как правило, отличают воспоминания офицеров-генштабистов. Ничего подобного нет в изложении Успенского, который описывает только широко известных неспециалистам исторических деятелей, пересказывает воспоминания Брусилова и другие ставшие расхожими произведения. Отсутствие специфических деталей штабной работы, конкретики, проверяемой по всему массиву архивных документов, выдаёт автора романа как неспециалиста.

Лейтмотивом произведения на множестве страниц становится антитроцкистская и антисемитская пропаганда. Троцкий упрекается в препятствии созданию стратегической конницы в РККА (на самом деле Лев Давидович был одним из её создателей, автором лозунга «Пролетарий, на коня!»), в свержжестокости, в крымском терроре 1920–1921 годов и прочих грехах, к которым он отношения не имел. Воспеваются «дело врачей», а Большой террор приписан почти исключительно «еврейским палачам» из НКВД, причём «стрелочником» за преступления режима назначен Л. П. Берия.

В октябре 1919 года Лукашов находится, конечно же, при Сталине в штабе

Южного фронта и побеждает Деникина. Однако рассуждения о планах разгрома Деникина не свидетельствуют в пользу компетентности героя романа (читай, автора). В конце сентября 1922 года Лукашов вместе со Сталиным приезжает в Горки к Ленину, но в биохронике Владимира Ильича о таком сопровождающем Сталина не упоминается.

Не знает автор и о группировках генштабистов 1920-х годов, об их деятельности в это время, об изменениях, проходивших тогда в составе РККА и о деле «Весна» (широкому кругу читателей в нашей стране о нём стало известно только в 2000-е годы, уже после смерти автора романа), хотя герой романа, знавший Брусилова, должен был вращаться в соответствующем кругу. Нет никаких новых деталей и о Большом терроре в отношении бывших офицеров. Постепенно упоминания о биографии Лукашова, его должностях, конкретных событиях становятся всё глуше — ведь чем выше было его должностное положение (по Успенскому, в войну он значился ни много ни мало особоуполномоченным председателем Государственного комитета обороны, а его распоряжения были обязательными на всей территории СССР), тем проще это проверить, особенно сейчас, когда издан журнал учёта посещений Сталина.

Есть в тексте отдельные упоминания конкретных общеизвестных событий, на которых присутствовал Лукашов. По доступным источникам несложно эти данные проверить. Попробуем сопоставить их с журналами учёта посещений Сталина. Так, Лукашов присутствовал в кабинете Сталина 22 июня 1941 года. По утверждению Успенского, Лукашов приехал в Кремль после 9 часов утра, при этом в кабинете находились С. К. Тимошенко, Г. К. Жуков и Н. Ф. Ватутин. Однако по журналу посещений Тимошенко и Жуков вышли уже в 8.30, а Ватутин зашёл только в 14.00⁸. Не соответствуют журналам посещений и утверждения Успенского, что двое суток после этого Сталин никого, кроме Лукашова, не желал видеть. Приём в последующие дни шёл ежедневно. Посетил Лукашов Сталина и 8 июля 1941 года, однако тогда Сталин согласно журналу, принимал только В. М. Молотова, Ворошилова, Берия, Г. М. Маленкова, переводчика М. М. Потрубача и английских представителей⁹. Встречались они и 21 июля. Но в тот день Сталин вновь принял только англичан с переводчиком Потрубачом¹⁰.

Любители конспирологических теорий могут возразить — вдруг «Лукашов» был настолько близок Сталину и настолько засекречен (даже больше, чем Берия, Молотов и Ворошилов, входившие в ближний

круг вождя, но фигурирующие в журналах), что его фамилию попросту не фиксировали ни в каких документах посещения (Успенский пишет о некоей тайной комнате, где периодически ожидал Сталина Лукашов). Как бы невероятно это предположение ни звучало, проверим и его. Как выясняется, здесь фактическая канва романа также рассыпается. Так, не подтверждается указания Успенского на заседание ГКО с большим количеством участников 5 января 1942 года, на котором герой книги оказался, «затерявшись среди других». Не было у Сталина в тот день и упомянутого Успенским Шапошникова. В этот день советский вождь встречался только с представителями ВПК¹¹.

Успенский пишет о встрече Сталина с Шапошниковым и А. А. Андреевым весной 1942 года. Однако журналы посещения бесстрастно свидетельствуют, что Шапошников в это время бывал у Сталина 8, 12, 21, 23, 26–27, 30 марта; 1, 12–13, 15–16, 19–21, 23, 25, 29 апреля и 2–3, 5–10 мая. Тогда как Андреев был у Сталина 7 и 25 марта, 1 и 9 апреля и 26 мая. Единственное пересечение дат приходится на 1 апреля, однако в этот день Шапошников и Андреев у Сталина не встретились. Первый пробыл на приёме с 17.05 до 20.00, а второй — с 21.00 до 21.20¹². Не было упоминаемой Успенским встречи Сталина с Шапошниковым и в июле 1942 года — они встретились только 12 августа. Итак, в журналах посещения Сталина никакого «тайного советника» близко нет, а свидетельства из романа Успенского не находят подтверждения при их сопоставлении с достоверно известными событиями.

Не соответствуют действительности и другие подробности из жизни высшего военно-политического руководства страны того времени. Так, Успенский упоминает в вымышленном разговоре Шапошникова и Андреева со Сталиным,

что генерал А. А. Власов ещё в Китае завёл себе платную наложницу, далее перечисляются другие женщины Власова. Однако этот позднейший миф о Власове уже разоблачён, причем на основе подлинных его аттестаций за период пребывания в Китае¹³.

Оставим на совести автора неприятное описание того, как герой раскапывает могилу жены и проверяет, не беременна ли она, а также вложенные в уста героя апологетические строки о К. У. Черненко, видимо, относящиеся ко времени завершения автором фрагментов рукописи в начале 1980-х годов и позабытые в середине произведения.

Обратим внимание и на другие несоответствия. Вызывает по меньшей мере удивление, что Лукашов был не просто допущен к Сталину, но стал его близким другом, посвящался в подробности личной жизни и даже вместе с ним парился в бане на кунцевской даче вождя. Такого доверия к бывшему офицеру с белогвардейским прошлым быть не могло. Нами детально исследован путь всех выпускников Николаевской военной академии, доживших до Великой Отечественной войны и принимавших в ней хотя бы минимальное участие, даже на преподавательских должностях¹⁴. Самым высокопоставленным из них был маршал Шапошников, но ни о каких «тайных советниках» сведений нет.

Вызывает недоумение и большое количество высокопоставленных военных, общавшихся с безвестным героем книги, но ни разу не обмолвившихся о его особом статусе в своих воспоминаниях. К слову, Лукашов по книге 20 сентября 1939 года оказался в занятом частями РККА Бресте, был одним из инициаторов советско-финской войны. Только к нему, помимо Шапошникова, Сталин якобы обращался по имени-отчеству. Однако, по свидетельству

Жукова, именно Шапошников был чело- веком с такой привилегией¹⁵. Участвовал Лукашов и в переговорах с начальником Генерального штаба генералом Г. Кребсом 1 мая 1945 года в Берлине. Этот эпизод описан в воспоминаниях В. И. Чуйкова и И. А. Толконюка, однако офицеров старой армии с академическим образованием при этом не упоминается.

По сюжету Лукашов тесно общался со Сталиным до конца жизни последнего. Отметим, что у Сталина не было такого рода длительных привязанностей к бывшим офицерам. Достаточно вспомнить трагические судьбы военспецов — его соратников по Гражданской войне. Через маховик репрессий из числа военруков, командующих фронтами и начальников фронтовых штабов, работавших со Сталиным, прошли и В. М. Гиттис, и А. Е. Снесарев, и П. П. Сытин, и даже наиболее близкие Сталину А. И. Егоров и Н. Н. Петин, причём не пощадили и сына последнего. Уцелели Л. Л. Клюев и Д. Н. Надёжный, однако о том, что они могли быть «тайными советниками», говорить не приходится. К тому же оба скончались в 1940-х годах, а не в 1970-е, как герой Успенского.

Итак, с точки зрения военного историка работа Успенского — это масштабное по замыслу, в чём-то любопытное (коль скоро в русской речи название романа устоялось как ироничное наименование «серых кардиналов» при властителях), но в целом посредственное художественное произведение, тенденциозно пересказывающее общеизвестные факты, перемежающиеся с безграничной авторской фантазией и не имеющее под собой реальной фактической основы в том виде, в каком заявил о ней в начале книги сам автор. Никакого «тайного советника вождя», загадочного и близкого Сталину военспец-генштабиста, в действительности не существовало и существовать не могло...

Примечания

1. Последнее переиздание вышло совсем недавно — к 85-летию автора: Успенский В. Тайный советник вождя. Т. 1–2. М. 2013.
2. Козлов В. Реабилитация подлогом — «как в кино»//Родина. 2012. № 2. С. 21–22, 24.
3. Начальники штаба фронта генералы В. Н. Клембовский и С. А. Сухомлин, генерал-квартирмейстеры генералы М. К. Дитерихс и Н. Н. Духонин (ранее — помощник генерал-квартирмейстера), помощник генерал-квартирмейстера генерал Н. И. Ратэль, главные начальники снабжений генералы А. А. Маврин и Е. Ф. Эльснер, дежурный генерал штаба фронта Г. И. Кортацци, начальники военных сообщений генералы И. В. Павский (позднее — помощник главного начальника снабжений) и В. А. Дзевановский, генерал для поручений при главнокомандующем генерал М. Э. Мельгунов (ранее — в распоряжении главнокомандующего), и.д. инспектора ополченческих частей фронта генерал Н. С. Глинский, состоявшие в распоряжении главнокомандующего

генералы В. Е. Бухольц, С. А. Воронин, Н. П. Стремоухов, генералы для поручений при главном начальнике снабжений фронта С. Н. Лилеев и И. Н. Толмачёв (и.д.), начальник канцелярии главного начальника снабжений фронта генерал Д. Д. Сергиевский, штаб-офицер для поручений при главнокомандующем полковник Б. С. Стеллецкий, сотрудники управления генерал-квартирмейстера: начальники отделений — подполковник В. А. Брендель (и.д.), подполковник (полковник) Е. П. Долинский (первоначально — и.д.), подполковник К. В. Сахаров (и.д.), полковник Б. С. Малявин; помощники начальников отделений управления: подполковники А. С. Белой, Е. Е. Шишковский (позднее — начальник отделения, полковник), Г. П. Щербов-Нефедович, Н. А. Корнев, В. О. Каппель; капитаны В. Н. Арнольдов (и.д., позднее утверждён, подполковник), И. И. Громыко (и.д., позднее — подполковник, и.д. начальника отделения), В. И. Базаревич, Е. А. Кельчевский (и.д., позднее утверждён, подполковник),

В. В. Колосовский (и.д.); штаб-офицер для поручений управления подполковник В. К. Манакин; сотрудники управления начальника военных сообщений: начальник военно-эксплуатационного отдела полковник С. М. Волков, начальник этапно-транспортного отдела полковник С. М. Языков; переводчики штаба фронта штабс-капитаны И. Я. Цеплит, А. М. Шкеленко, Б. А. Юрьев (Составлено по: Список Генерального штаба. Исправлен по 1-е января 1916 года (с приложением изменений по 1 марта 1916 г.). Пг. 1916; Список Генерального штаба. Исправлен по 3-е января 1917 года (с приложением изменений по 8 февраля 1917 г.). Пг. 1917).
4. Подробнее см.: Ганин А. В. Корпус офицеров Генерального штаба в годы Гражданской войны 1917–1922 гг.: Справочные материалы. М. 2009.
5. Подробнее о расколе Генштаба см.: Там же. С. 119–135. Краткое популярное изложение распределения генштабистов по противоборствующим лагерям см.: Ганин А. В. Раскол Генерального штаба// Дилетант. 2012. № 5. С. 12–15.

6. РГВА. Ф. 6. Оп. 10. Д. 251. Л. 383–383 об. (Особая комиссия по расследованию злодеяний большевиков, состоящая при главнокомандующем ВСЮР. Вып. 3. Большевики в Царицыне. Ростов-на-Дону. 1919).
7. Гражданская война и военная интервенция в СССР. Энциклопедия. М. 1987. С. 46.
8. На приёме у Сталина. Тетради (журналы) записей лиц, принятых И. В. Сталиным (1924–1953 гг.). Справочник. М. 2008. С. 337–338.
9. Там же. С. 343.
10. Там же. С. 344.
11. Там же. С. 358–359.
12. Там же. С. 367.
13. Подробнее см.: Александров К. М. Мифы о генерале Власове. М. 2010. С. 45–50.
14. Подробнее см.: Ганин А. В. «Мозг армии» в период «Русской Смуты»: Статьи и документы. М. 2013. С. 282–304.
15. Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. Изд. 2-е, доп. Т. 1. М. 1975. С. 349.